

5.000 лет и 3 года

Заметки о новом Китае

Через мутную, полноводную реку движется плот, укрепленный на свинных бурдюках, надутых воздухом. Навстречу плывут сотни рыбацких лодок. Рыбаки закидывают круглые сети и вытягивают из воды больших и скользких рыб.

Многие рыбаки в этих же лодках и живут. Мы видели много таких лодок-жилищ на набережных Кантона и Шанхая в устьях Жемчужной реки и Янцзы. В них живут рыбаки, перевозчики, портовые грузчики. Они родились в этих лодках, как родились в них и умерли их отцы, деды и прадеды, для которых в буквальном смысле слова не нашлось места на земле.

Лодки, и маленькие, и большие много-семейные, стоят вдоль набережной длинной полосой борт о борт, по несколько в ряд. Каждая — всегда на своем точном месте, у своего колышка. Во время отлива все лодки садятся на мель. В прилив все подымаются и качаются на воде. Около лодок вбиты высокие шесты. На шестах — плетенные корзины-клетки для кур. По вечерам над лодками подымаются дымки. Варится ужин. По утрам, как в деревне, поют петухи. Это старый Китай. Но это и новый Китай, потому что теперь эти лодки принадлежат рыбакам, а не купцам, не помещикам, не рыбопромышленникам. И сети принадлежат рыбакам. За все это не надо больше отдавать свой улов. Не надо платить помещику за право вбить у берега причальный колышек.

Рыбаки так же, как и крестьяне, создали бригады взаимопомощи и рыболовческие артели и выловили в этом году в четыре раза больше рыбы, чем вылавливали ее до освобождения.

И опять-таки это только начало. В старом Китае вдоль огромного побережья трех китайских морей почти не было рыбного промысла и совсем не использовались сотни озер, в то время как в одной лишь провинции Хубэй их больше, чем во всей многоозерной Финляндии.

За три года не только улучшилась жизнь

рыбаков и увеличился их улов, но и начата подготовка к строительству рыбацких портов по всему морскому побережью Китая. Открыто тридцать три морских метеорологических станции, созданы государственные рыболовства с дизельными судами, радиоустановками, холодильниками. Созданы Центральный опытный институт морских продуктов и Гидробиологический институт Академии наук, началось искусственное заселение водоемов и разведение быстро размножающейся знаменитой китайской белорыбницы и белого амура.

Пройдет несколько лет, и Китай выйдет на одно из первых мест в мире не только по количеству рыбы, живущей в его морях, реках и озерах, но и по улову.

Да и многовековой жизни в лодках тоже приходит конец. Тысячи семей рыбаков в Шанхае и Кантоне получили квартиры в специально построенных для них домах.

С развевающимися на ветру флагами и знаменами, под звуки гонгов и барабанов они впервые вступили на китайскую землю, которая раньше была для них только берегом.

Для того, чтобы сократить время переезда из города в город, мы пользовались главным образом самолетами и очень редко садились в поезд. Одним из таких редких путешествий в поезд был переезд Чэнду — Чунцин. Мы ехали вдоль долины широкой реки по очень гористой местности, ныряли в тоннели, пересекали ущелья по насыпям и мостам, и поезд извивался так, как будто это был не поезд, а дракон.

Но как бы прекрасно и удивительно ни было все виденное нами из окна вагона, самым прекрасным и удивительным было то, что этой дороге длиной в пятьсот километров всего несколько месяцев от роду и что построена она в течение двух лет.

Понять все значение этого факта и весь героизм строителей можно только тогда, когда узнаешь, что этому предшествовало и как происходило строительство первой железной дороги в Китае.

Было это в девяностых годах прошлого столетия. Строилась дорога из Шанхая в Ханчжоу. Не нужды народа интересовали строителей, а доходы английских империалистов. Доведенные до отчаяния ремесленники, городская беднота, крестьяне ближайших деревень пришли и сбросили рельсы в реку.

А сейчас, когда китайский народ стал сам хозяином своей страны, он в течение трех лет исправил все железные дороги, разрушенные войной, и, помимо линии Чэнду — Чунцин, продолжил в еще более трудных горах другую дорогу Тяньшуй — Ланьчжоу в триста километров, с тысячей мостов, перекинутых через реки и ущелья.

И опять-таки это только начало, потому что уже идет стройка двух других больших и очень важных железнодорожных линий.

У Китая не было своих вагонов и паровозов, но и они будут. Построены вагонные и паровозостроительный заводы, и двадцать шестого июля прошлого года на железнодорожную магистраль вышел первый китайский паровоз.

А топлива для паровозов хватит, сколько бы их ни построили. Великолепный коксующийся уголь лежит во многих районах Китая на глубине всего в несколько метров.

И нефть есть в Китае, и руда. С каждым месяцем растут новые фабрики и заводы, дымят новые трубы.

На большой промышленной выставке в Мукдене китайцы с гордостью показывали нам свое литье, прокат, колеса для железнодорожных вагонов, станки, электроприборы, химикалии для удобрений, джут, шерстяную, хлопчатобумажную, льняную, шелковую ткань! Эта гордость понятна. Ведь многое из того, что мы видели на этой выставке, производится в Китае впервые, многое выпускается в полтора,

в два и в три раза большим количеством, а производство железа, стали и машинного оборудования увеличилось в девять раз.

★

Идя с выставки, я зашел в маленькую лавочку, чтобы купить жареных китайских орешков.

За прилавком — молодая женщина, на вид почти девочка. Как всегда, очень приветливая. Чудесные белые зубы и по две ямочки на удивительно гладких щеках. За спиной у женщины вертикально укреплен ситцевый мешок, и из мешка высовывается детская головка с такими же ямочками на щеках.

Это мама и ее пятимесячная дочка Сюэ-шань, что в переводе значит «Снежная гора». Мама достает совком орехи, вешает их на весы, лезет на полку за бумагой. Мешочек с ребенком то наклоняется, то откидывается назад. «Снежная гора» не обращает на это никакого внимания. Она спит.

Не удивляйтесь манере китайенок носить маленьких детей за плечами. Не удивляйтесь и имени ребенка. В Китае нет фиксированных имен. Трудно встретить двух китайцев с одинаковыми именами, так как родители называют своих детей и Листиком, и Цветком, и Небом, и Облаком — одним словом, так, как им кажется красивее и звучнее. А в шесть-семь лет ребенок обязательно получит новое имя.

Но, как бы все это ни было интересно и удивительно, самое удивительное в этой женщине и в ее дочке совсем другое. То, что определено тремя годами свободной жизни китайского народа.

Сюэ-шань пять месяцев. Она — первый ребенок у матери. Мать вышла замуж всего полтора года назад. И это отличает ее от большинства китайских женщин, вышедших замуж в старом Китае. Ее не продали за мешок риса семье мужа, ее не отдали насильно за старого или нелюбимого только потому, что он богат. Ее охранял новый закон, запрещающий какую бы то ни было форму подневольного брака. А ведь до этого закона большинство браков в Китае происходило только по слову родителей.

Сюэ-шань — девочка. Рождение девочки в старом Китае считалось не радостью,

а несчастьем. Но Сюэ-шань родилась в новом Китае, и рождение ее было праздником. Мы разговариваем через переводчика. Я спрашиваю: «А отец был рад?». Моя собеседница сыплет орехи в пакет и, ескадывая глаза, говорит: «Конечно, даже очень. Только бабушка немного повотчала, да и то недолго». — «А вы?». Она оборачивается через плечо, чтобы увидеть спящую «Снежную гору», и улыбается счастливой улыбкой матери.

Я беру орехи и говорю одно из немногих слов, которые я знаю по-китайски: «Сесе!» — «Спасибо!» Но благодарю я ее не за орехи, а за радость видеть конкретное, реальное счастье нового свободного человека в свободном Китае.

И естественно, что, выйдя на улицу, я продолжаю думать о маленькой девочке, о том, как резко ее судьба — с первой же минуты рождения — отличается от судьбы миллионов детей старого Китая.

Всего три года назад почти полное отсутствие, особенно в деревне, родильных домов, врачей, акушерок или хотя бы квалифицированных повивальных бабок часто превращало день рождения ребенка в день его смерти. Я не знаю, при каких обстоятельствах появилась на свет Сюэ-шань, но знаю, что родилась она не в этой лавке, не на улице и не на старой домашней цыновке. Ее приняли не бабушка или соседка, а либо опытные руки врача родильного дома, которых уже организовано в стране больше двадцати тысяч, либо руки одной из ста тридцати тысяч вновь обученных повивальных бабок.

Если в старом Китае смерть не успевала отнять жизнь ребенка в момент его рождения, тогда она, как охотник, шла за ним по пятам. Миллионы детских жизней отняла черная оспа. Может быть, и Сюэ-шань не избежала бы этой болезни, если бы родилась несколькими годами раньше. Но сейчас оспа ей не страшна. Уже в пятидесяти первом году количество прививок против оспы увеличилось в тридцать раз, а к моменту рождения Сюэ-шань эти прививки делаются всем без исключения — и детям, и взрослым.

Миллионы детей умирали от всяких эпидемий — скарлатины, дизентерии, брюшного и сыпного тифа. Для Сюэ-шань, как и для всех детей нового Китая, опасность заразы сократилась во много раз.

Борьба с очагами и носителями бактерий стала общенародной борьбой, и, как все в Китае, она поражает масштабами.

Очищены десятки тысяч километров грязных канав. Засыпаны огромные пространства болот. Убраны горы мусора, лежащие в течение сотен лет. Убиты пятьдесят миллионов крыс и миллиарды мух. Мухам была объявлена война, как объявляют войну врагу. Все население страны — и особенно дети — считало себя мобилизованным на истребление мух. В результате — грандиозное сокращение эпидемических заболеваний и полное исчезновение такой страшной болезни, как холера.

Во много раз увеличилось в стране число больниц, амбулаторий, медицинских институтов, фельдшерских и акушерских школ. Только на первом курсе медицинских факультетов учится сейчас в полтора раз больше будущих врачей, чем было их подготовлено за семьдесят предыдущих лет.

По улице бегут ребята с книжками. Я смотрю на них и опять невольно думаю о Сюэ-шань. Вот и она скоро побегит в школу. Будет учиться, потом пойдет в институт или в университет и станет врачом, инженером или агрономом.

Разве три года назад могли продавщица жареных орешков и ремесленник, изготавливающий хомуты, мечтать о том, чтобы их дочь пошла в школу? А сейчас они уверены в этом.

Уже теперь из каждой ста китайских детей учатся в школе семьдесят, то есть вдвое больше, чем до освобождения, а к тому времени, когда для Сюэ-шань придет пора написать свой первый иероглиф, будут учиться все китайские дети. Да и родители Сюэ-шань станут грамотными, потому что для взрослых и в городе, и в деревне открыты тысячи школ. В прошлом году в начальных школах училось двадцать пять миллионов крестьян, а в специальных зимних школах — пятьдесят миллионов.

Китайский народ учится с той же страстью, с какой он строит железные дороги, мосты и плотины, фабрики и заводы, сажает лес, собирает зерно и хлопок, добывает уголь и руду.

Сергей ОБРАЗЦОВ.

(Продолжение следует).

* Продолжение. Начало см. «Известия» от 12 февраля.